

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

СЕКЦИЯ 5.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ И
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF INDIA AND SOUTH-
EAST ASIA

В.Р. Атнашев

(Северо-западная академия государственной службы, СПб)
Конституционные вопросы гражданства в истории Малайзии

В данном сообщении рассматривается сложный процесс, который наблюдался в полиэтничном обществе Малайзии в 1940-х – 1960-х гг. и выразился, в частности, в острой полемике по вопросам гражданства. Связано это было с противостоянием руководства малайской общины, с одной стороны, и китайской (в меньшей степени – индийской) общин – с другой.

По британскому плану 1946 г. в Малайском союзе единое гражданство вводилось для всех лиц, живших в Малайе не менее 10 из 15 лет до февраля 1942 г. Объединенная малайская национальная организация (ОМНО) выступила против новых правил гражданства, которые превращали малайцев в меньшинство в их собственной стране.

После переговоров с правителями княжеств и ОМНО британские власти провозгласили создание Малайской Федерации, восстановив привилегии султанов и особые права малайцев. Получение гражданства для немалайцев было затруднено. Однако вскоре под давлением китайской общины британские власти внесли поправки в закон о гражданстве, позволив примерно половине китайского населения стать гражданами Малайской Федерации.

31 августа 1957 г. Малайская Федерация стала независимым государством. Компромисс, на основе которого было создано новое государство, отражал интересы трех основных общин Малайзии, и важное значение для всех них имел вопрос гражданства. Согласно конституции 1957 г., всем детям, родившимся в Малайской Федерации с момента провозглашения независимости, автоматически предоставлялось ее гражданство. Также были облегчены правила получения гражданства, в том числе для китайского населения.

Следует отметить, что многое в конституции Сингапура было заимствовано из малайзийской конституции, в том числе и положения, касающиеся регулирования вопросов гражданства.

В целом, рассматриваемая тема представляет интерес в плане сравнительно-исторического исследования на материале ряда других стран.

Д.Н.Воробьева

(Государственный институт искусствознания, Москва)
Храмовый комплекс Эллоры глазами европейского путешественника
XVII–XIX вв.: эволюция восприятия

Храмовый комплекс находится в Центральной Индии, штате Махараштра, недалеко от поселения, по которому получил свое название: на маратхи – Верула, в древности – Элапура (на санскрите) и Элора (на пракрите), европейцы же интерпретировали его как Эллора; последнее и получило более широкое распространение.

Эллора является самым масштабным пещерным комплексом Индии, центр его – храм Кайласанатха – апогей развития скального зодчества. Все это, а также расположение вблизи от пересечения важных путей не позволило памятнику исчезнуть на века, как произошло со многими другими сооружениями Индии, хотя функционировать он прекратил уже в 13 в.

Первые путешественники, оставившие свои заметки, приехали сюда уже в 17 в., ими были француз Ж. де Тевено и венецианец Н. Мануччи. В 18 в. Эллору посетили А.Г. Анкетиль-Дюперрон, Ч. Малет и др. Значительный вклад в популяризацию памятника внесли вышедшие в Европе альбом с гравюрами Т. Дэниэля и монография Д. Сили. В середине 19 в. информация об Эллоре начала появляться в энциклопедиях. Первыми серьезными исследователями стали У. Эрскин, Д. Бургесс.

Рассказы путешественников позволяют восстановить историю памятника, его функционирование – в них описания и интерпретации перемежаются с бытовыми деталями, а также легендами о происхождении пещер. Заметки говорят о сложившейся традиции названия храмов, однако носят они вишнуитский характер, тогда как большинство храмов шиваитские. Все это свидетельствует о прерывании одной традиции и сложении новой.

Благодаря тому, что Эллора стала известна европейским путешественникам достаточно давно, в сознании западного зрителя она прошла тот же путь, что и музеи в Европе. Начало этого пути – кунсткамера (точнее, Wunderkammer – Кабинет чудес), и затем через представление об изображениях как иллюстрациях мифов до оценки «экспонатов» этого «музея» как величайших творений скульптуры, созданных древними индийцами, повлекшее начало научных исследований и включение в контекст мирового искусства.

*Н.В. Григорьева
(ВФ СПбГУ)*

Этногенетические мифы вьет-мыонгов как исторический источник

Этногенетические мифы и предания, наряду с письменными памятниками, археологическими, антропологическими и лингвистическими материалами, являются ценным источником при реконструкции процессов этногенеза и древней истории народов.

Происхождение вьетов (кинх), этнического большинства современного Вьетнама, народа, численностью свыше 80 миллионов человек, до сих пор остается неясным, несмотря на многие предпринимавшиеся исследования. Новый подход к происхождению вьетов открывается при сопоставлении широко известного вьетнамского этногенетического предания о короле-драконе Лак Лонг Куане и птицеподобной фее Ау Ко с этногенетическими мифами мыонгов, которых некоторые из исследователей считают «протовьетнамцами» (O.Janse).

Сопоставительный анализ этногенетических мифов вьет-мыонгов позволяет сделать следующие заключения:

1. Несмотря на то, что вьетнамское этногенетическое предание является достаточно поздним и обнаруживает ощутимое китайское влияние, в нем прослеживаются некоторые общие мотивы, характерные для более ранних фольклорных форм народов Юго-Восточной Азии (происхождение из яйца/100 яиц, участие птиц).

2. Очевидно, что у вьетнамского предания существует явный мыонгский прототип: история о происхождении вьетов от 100 сыновей короля-дракона и феи повторяет сюжет мыонгского мифа о разделении потомства карпа и оленихи.

3. Фольклорный материал свидетельствует о том, что этногенез вьет-мыонгов развивался как процесс соединения разнокультурных этнических элементов – континентальных и литоральных. При этом женская, изначально корневая, линия связывает вьет-мыонгов с континентальной австроазиатской культурой, а мужская – с приморской (культурой вьетов (юэ). Дальнейшее развитие этнических процессов, зафиксированное в мифах, видится как межэтническое разделение (согласно мыонгскому мифу, как размежевание вьетов и мыонгов).

В целом, сделанные наблюдения согласуются с археологическими материалами и результатами исследований по истории вьетических языков.

*Н.В. Гуров
(ВФ СПбГУ)*

*Почему Герасим Лебедев поехал в Индию?
(Еще раз об истоках отечественной индологии)*

1. Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) – первый русский человек, отправившийся в Индию не «по вине обстоятельств» (как Афанасий Никитин или Филипп Ефремов) и не по указанию начальства, а по собственной воле. По его словам, он поехал в Индию для «распознавания Браминских наук». По мнению Лебедева (он говорит об этом в предисловии к своему основному труду – «Беспристрастному созерцанию систем Восточной Индии Брамгенов...» СПб. 1805), знакомство с индийской культурой «распространяет истинные понятия о богопознании, правовеерии и законе... и соединяет способности к восстановлению всеобщего и всемирного блага». Столь высокую оценку индийской духовной культуры Г.С. Лебедев основывает на том, что эта культура в своей онтологической сущности – христианская, а «религия индийцев» восходит к «благовестию евангельскому», принесенному «апостолом Фомой». Рассматривая индуизм под таким углом зрения, Лебедев находит в индуистском пантеоне такие «христианизмы», как «единого бога Брормго, творца неба и земли», «воплощенного сына Божия Криштньо», «неслиянную единосущную троицу» и т.д.

2. Подобные взгляды на культуру Индии европейской науки того времени (1780–1800) оказываются в достаточной степени нестандартными. Чтобы понять, откуда они могут возникнуть у молодого русского музыканта (к тому же – сына священника), следует прежде всего обратить внимание на некоторые обстоятельства, связанные с началом его путешествия в Индию.

2.1. В своих книгах и письмах Лебедев неоднократно упоминает о том, что этот его вояж инспирирован наследником русского престола Павлом Петровичем, который в 1782 г. совершил путешествие по странам Европы. Степень участия цесаревича Павла в организации «индийского вояжа» Лебедев описывает по-разному: в более ранних документах он говорит, например, об «отеческом благоприятстве» Павла, зато в конце жизни заявляет прямо: «Соизволил объявить мне монаршую волю, чтоб ехал в Восточную Индию».

2.2. Лебедев не объясняет при этом, зачем Павлу понадобилось посылать какого-то малообразованного музыканта в такую дальнюю

поездку. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно принять во внимание, что:

1) 1782-й год – время наибольшего сближения будущего Павла I с «сообществом вольных каменщиков» – с русским масонством. В этом году Павел, по мнению многих, был принят в масоны. В этот период его ближайшее окружение почти целиком состоит из масонов. Масонами были, в частности, близкие друзья и сподвижники Павла – Александр Куракин и Сергей Плещеев, оба они непосредственно участвовали в отправке Лебедева в Англию, а затем – в Индию.

2) Общепринятая в европейском и российском масонстве историко-философская доктрина утверждала, что учение «вольных каменщиков» есть не что иное, как воплощение «Великой Премудрости», сохранявшейся с незапамятных времен в разное время мудрецами разных племен и народов. В том числе – наряду с «Астрологами у Халдеев и Друидами у Бриттов» – «у Браминнов Индии», или «индийских любомудрцев» (И.П. Елагин).

Научная деятельность Г.С. Лебедева говорит о том, что учение «вольных каменщиков» косвенным образом способствовало не только распространению в России просветительских идей (Н.И. Новиков и «московские масоны»), но и знакомству русского общества с культурой стран Востока.

К.А. Демичев

(Университет РАО, Нижний Новгород)

Документы личного происхождения европейских путешественников как источник для изучения сикхской державы Ранджит Сингха

Документы личного происхождения европейских путешественников, несмотря на высокую субъективность, являются ценным источником информации о сикхской державе махараджи Ранджит Сингха, созданной в первой половине XIX в. в Панджабе. Особый интерес в данной группе источников представляют дневниковые записи европейцев, которые являются разновидностью мемуарной литературы. Непосредственное участие авторов в описываемых событиях и минимизированное влияние других источников информации на авторскую позицию придает изучению дневниковых записей особую актуальность.

Дневниковые записи европейцев можно условно разделить на две большие группы. К первой относятся записи, сделанные во время непосредственного посещения Панджаба как конечного или промежуточного пункта путешествия. Ко второй относятся записи, в которых Панджаб лишь упоминается, так как целью путешествия

является посещение сопредельных стран и регионов. Наиболее информативной является первая группа, которая, в свою очередь, может быть разделена по принципу авторской принадлежности. Сюда относятся записи, сделанные служащими английской Ост-Индской Компании, европейскими офицерами Ранджит Сингха и частными путешественниками из Европы.

Большая часть дневниковых записей относится к концу 20-х – 30-м гг. XIX в., что соответствует времени наивысшего расцвета сикхской государственности в Пенджабе.

Анализ дневниковых записей европейских путешественников позволяет выделить и существенно уточнить особенности и характер вертикальных и горизонтальных связей в системе власти и управления сикхской державы. Выявить характерные элементы повседневного взаимодействия политических и общественных институтов в Пенджабе в условиях их обычного функционирования. Установить факты, противоречащие традиционным представлениям о характере межконфессионального и межэтнического взаимодействия в стране в период правления Ранджит Сингха.

И.А. Дорохова
(Петрозаводский ГУ)
Несколько слов о Ю.В. Петченко

Мое знакомство с Ю. В. Петченко произошло в 1975 г. В сентябре месяце, после окончания Петрозаводского государственного университета, я приехала стажироваться на кафедру истории стран Дальнего Востока для подготовки, в последующем, к поступлению в аспирантуру. Специальной востоковедной подготовки я тогда не имела, и моя успешная учеба в аспирантуре и защита кандидатской диссертации, посвященной началу политической деятельности М. К. Ганди, во многом состоялись благодаря Юрию Владимировичу. Посещение его занятий и беседы после них, изучение хинди, работа с книгами из его замечательной библиотеки помогли мне войти в курс дела.

Он совершенно справедливо полагал, что человек, занимающийся Востоком, должен обязательно побывать там. В 1977–1978 г. во время моей стажировки в Делийском университете, его советы помогли мне не «утонуть» во множестве новых для меня впечатлений. В письмах Юрия Владимировича были конкретные указания на те проблемы, которыми надо неотлагательно заняться: «обратить внимание на прессу времени М. Ганди», «проследить на индийских материалах тему М. Ганди и Л. Толстой», «найти материалы о реакции в Индии на деятельность М.

Ганди в Южной Африке», «в архивах заниматься надо», «хорошо бы взять интервью у К. Калелкара», «обратить внимание на переоценку деятельности М. Ганди в определенных кругах индийских историков» и другие. Эти его рекомендации очень помогли мне в научной работе.

Огромное впечатление производила библиотека Юрия Владимировича, росшая из года в год. В 90-е годы полки вдоль стен комнат уже не могли вместить всего многообразия изданий и, в середине одной из них, появился большой стеллаж. У него было особое отношение к книгам. Любая из них сопровождалась информацией о времени и месте приобретения или получения в дар. Краткому сообщению о дарителе также находилось место. Ю. В. Петченко помог и с комплектацией моей собственной библиотеки. Благодаря этому студенты Петрозаводского госуниверситета могут писать курсовые работы и дипломные сочинения, используя книги, прежде всего на английском языке, которые мне передал Юрий Владимирович.

Беседы с ним, обсуждение материалов диссертации и встречи на кафедре истории стран Дальнего Востока уже после завершения аспирантуры позволили мне по-новому взглянуть на целый ряд аспектов истории Индии, отойти от принятых в 70–80-е гг. трактовок. Особенно впечатляющими были оценки и характеристики текущих событий в Индии. Высочайший профессионализм был характерен и для каждого его выступления на научных конференциях. Казалось, что нет такого сюжета в истории Востока, с которым он не был бы знаком. Однако в моей памяти Юрий Владимирович Петченко остался прежде всего человеком, посвятившим всю свою жизнь изучению близкой его сердцу Индии.

А. О. Захаров
(ИВ РАН, Москва)

***Источниковедение Шривиджайи
и проблема ее политических институтов***

В докладе анализируются возможности реконструкции политических институтов древнемалайской политики Шривиджайи. Источники для ее изучения немногочисленны: надписи, археологические находки и свидетельства иноземцев, в первую очередь китайцев и арабов. Традиционный подход к извлечению из надписей сведений о политической истории не позволяет исследовать политические институты Шривиджайи.

Для этого предлагается сопоставление надписей с данными археологии и иноземными источниками. Известный факт «питья клятвы» (*minum sumpah*) сопоставляется с данными о божествах *tandrun*

luah, тоже связанными с водой, и со свидетельством китайских хроник о пищевом запрете правителю употреблять для питья простую воду. Географический контекст находок надписей позволяет очертить области, на которые правитель распространял свою власть. Его власть, по-видимому, отчасти носила священный характер, но ни в коей мере не была абсолютной. Хотя аппарат управления находился на начальной стадии формирования, идеология власти была уже довольно хорошо разработана. Важную роль продолжали играть родовые отношения.

Принятие решений в Шривиджайе было обусловлено множеством факторов: желаниями подданных, имевших право выбирать собственных вождей, способностями правителя к их определению, учетом интересов собственного клана и соотношением сил родовых группировок, консультациями со знатоками «благоприятных дней» для того или иного предприятия, сложностями контроля подвижного населения.

В.Б.Касевич

(ВФ СПбГУ)

***Грехи и грешники в христианстве и в буддизме:
некоторые параллели***

В иудео-христианском понимании грех – это нарушение фундаментальных предустановлений, ассоциированных с Создателем, подлежащее каре, если отпущение греха не предусмотрено в Законе. Человеку воздается по грехам его, однако воздаяние за благо в меньшей степени связано причинной связью с «поведением» человека: благодать *даруется* (особенно в теории Бл. Августина) как акт милости Создателя.

В буддизме в принципе не может быть полностью аналогичного понимания греха уже потому, что буддизм не знает Создателя, волю которого можно было бы нарушить. Родственное греху понятие здесь – это *клеша* (*килеса*), что в зависимости от контекста переводится как ‘грех’ или ‘аффект’. К категории *клеша* принадлежит все, что ухудшает *карму* и тем самым препятствует достижению Нирваны. Здесь, как и в христианстве, можно усмотреть определенную индифферентность по отношению к «знаку» деяния: если в христианстве дарование благодати не предопределяется однозначно заслугами личности (или их отсутствием), а полностью зависит от свободного выбора Создателя, то в буддизме благие деяния улучшают *карму*, но никак «не гарантируют» достижения Нирваны, поскольку, скажем, любовь к людям привязывает к сансарическому бытию и тем самым *отдаляет* от Нирваны.

И христианство, и буддизм предусматривают ад в качестве кары за грехи. В обеих религиях представления об аде принадлежат к

относительно поздним (как известно, достаточно подробное описание христианского ада впервые вообще было дано не богословами и вероучителями, а автором художественного произведения – Данте в его «Божественной комедии»).

Традиционно считается, что христианский ад отличается от буддийского своей необратимостью. Христианский ад – это «вечные муки», в то время как буддизм допускает улучшение кармы даже в аду – а отсюда допускает и «передислоцирование» грешника из ада в более благоприятные сферы бытия, вплоть до достижения, в конечном итоге, Нирваны. Основным «механизмом» смягчения адского приговора выступает возможность делиться «хорошей кармой»: обладатели благоприятных перерождений делятся своей кармой с обитателями ада.

Вместе с тем и в христианстве существуют представления о неокончателности «геенны огненной». Вл. Соловьев называл понятие вечных мук «гнусным догматом». У Достоевского старец Зосима уповае на то, что адские муки не будут вечными, ибо любовь праведных из рая смягчит участь страдальцев.

Наконец, католическое чистилище и более или менее родственные представления о «мытарствах души» в православии также в известной степени смягчают жесткую дихотомию «рай или ад».

В.Н.Кисляков

(МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб)

Ранние коллекции по странам Индокитая в МАЭ РАН

В Отделе Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН хранятся несколько коллекций по народам Индокитая, поступившие в наш Музей в конце XIX – начале XX вв., которые положили начало современным фондам по народам Вьетнама, Сиама (Таиланда) и других стран этого региона.

В данном сообщении мы остановимся на трех из них.

Первая коллекция (№ 310) поступила в начале 1890-х годов.

Во время своего морского путешествия вокруг Азии в 1890 – 1891 гг. цесаревич Николай Александрович посетил целый ряд азиатских стран (в частности, Индию, Сиам, Японию), где ему подносились подарки. Многие предметы, имеющие этнографический интерес, были переданы вскоре после возвращения в Императорскую Академию наук и попали в наш Музей.

Предметы по Индокитаю (11 номеров, 72 предмета) в первоначальной описи были выделены в особый «Отдел Сиамский и Сайгонский».

В Отделе Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН хранится также коллекция № 732 (66 номеров, 21 предмет), поступившая в 1903 г. от профессора Лейпцигского университета Ганса Мейера. Эта коллекция является, по существу, первой систематической коллекцией по народам материковой части Юго-Восточной Азии.

Коллекция состоит главным образом из образцов одежды (как мужской, так и женской), причем чаще всего не отдельных фрагментов, а комплексов. В собрании представлена одежда не только вьетов, но и некоторых других народов Вьетнама (в частности, мань, зао), Лаоса (лао). Кроме того, в состав данной коллекции входят образцы украшений (браслеты, подвески и пр.).

Кроме вещественной коллекции от Г. Майера поступила фотоколлекция (№ 732), состоящая из 106 номеров. Эта коллекция представляет собой собрание фотографий большого формата, наклеенных на паспарту. Каждая фотография снабжена рукописной подписью на французском языке. Такая же подпись в большинстве случаев повторена на обороте.

Сюжеты фотографий самые разнообразные. Здесь мы видим типы мужчин, женщин и детей Северного (Тонкин), Центрального (Аннам), Южного (Кохинхина) Вьетнама (в частности, вьетов, мьонг, мань) и Камбоджи в традиционной одежде. Есть фотографии, на которых изображены представители местных племен (например, мои). На фотографиях также изображены чиновники различных рангов и военные в форменной одежде (главным образом из Кохинхины). Можно отметить фотографии традиционных похорон (процессия с переносом носилок с гробом), фотографии актеров в масках местного театра (Сайгон), фотография прохода фигуры дракона во время праздника.

Особо следует отметить несколько фотографий, на которых запечатлены первый и второй короли Луанг Прабанга (Лаос) в церемониальной и повседневной одежде.

В целом можно сказать, что данные коллекции представляют большую ценность. На них запечатлены люди и реалии того времени (конца XIX в.). Они могут служить надежными источниками при исследованиях истории и культуры народов Индокитая колониального периода.

В.Н.Колотов
(ВФ СПбГУ)

***Геополитический аспект азиатского финансового кризиса
1997–1998 гг.***

Азиатский финансовый кризис по ряду причин может стать одной из наиболее значимых проблем в анализе не только экономических, но и политических процессов, протекающих в ЮВА, поскольку в определенном смысле положил начало весьма важным долгосрочным процессам, формирующим множество долгосрочных трендов не только в АСЕАН, но, может быть, и во всей Восточной Азии.

В ходе кризиса и после него от стран АСЕАН требовалась оперативная реакция на угрозы со стороны потенциальных конкурентов. В ходе этих процессов стала очевидной их беззащитность перед новыми технологическими и финансовыми вызовами современности, также как и необходимость в прикрытии со стороны мощного в экономическом и военном отношении регионального лидера, на роль которого стал претендовать Китай.

Этот урок способствовал сплочению стран АСЕАН под угрозой «внешнего воздействия», а также помог определиться с союзниками на данном этапе своего развития. В этом контексте на первые роли выдвинулся Китай. Он удержал свою экономику и оказал не только моральную, но и экономическую поддержку странам ЮВА.

Однако даже такой «не доведенный до конца» финансовый кризис дорого обошелся странам как ЮВА, так и СВА. Наиболее пострадали Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Япония, Южная Корея и пр. Иными словами, больше всех досталось прежде всего региональным «локомотивам». Устояли только Китай (СВА) и Вьетнам (ЮВА) во многом благодаря закрытости своей экономики и финансовых институтов.

В ходе кризиса не обошлось без дестабилизации политической ситуации и смены элит в некоторых наиболее «демократических» странах ЮВА или, как выражаются некоторые эксперты, на «периферии» «глобальной капиталистической системы». Система в целом работает прежде всего в интересах центра, или «ядра», эксплуатируя периферию и периодически устраивая там управляемые кризисы.

Таким образом получается, что, стремясь наказать страны ЮВА, показать им их истинное место в мировом разделении труда, США на деле добились только части своих целей. Страны ЮВА были «поставлены на место», но из произошедшего извлекли свои уроки. Реально произошло усиление политических позиций Китая в регионе и

сплочение стран ЮВА вокруг нового регионального лидера, который готов проводить более выгодную для стран региона политику.

Е. Лютик
(ВФ СПбГУ)

***Атлас центров Общества иностранных миссий
из Библиотеки института Азии (Париж)***

Летом 2008 г. при работе в парижской библиотеке Института Азии (La maison d'Asie) нам удалось найти Атлас «Миссий Общества иностранных миссий», изданный в 1890 г. широко известным историком ОИМ Адриэном Лонэйем (Adrien Launay). Он является автором таких книг, как «Общая история Общества иностранных миссий», «Древняя и современная история Аннама (Тонкин и Кохинхина)», «Наши миссионеры», «Святые мученики Общества иностранных миссий» и пр.¹

Атлас создан на основании карт португальских миссионеров XVI века и доработанных карт ОИМ XVII–XIX вв.

В Атласе имеются 27 очень подробных цветных карт стран Азии, с указанием центров ОИМ, городов, где проживают христиане, столиц французских или английских владений, на карту детально нанесены пути сообщения, будь то большие или сельские дороги. В Атласе, кроме общей карты центров ОИМ в Азии, имеются карты следующих регионов: Кохинхины – 3 карты, Тонкина – 2 карты, карты провинций Китая: Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу, Юньнань, Сычуань – 3 карты, а так же Пондешери (Индия), Майсур (Южная Индия), Бирмы – 2 карты, карты Сиам, Малакки, Камбоджи, Тибета, Маньчжурии, Кореи и Японии – 3 карты.

Кроме детально разработанных цветных карт, к каждой из них приложены комментарии, включающие в себя информацию о географическом положении, климате, политическом устройстве, о местном населении и историческая справка, а также приводится информация о добываемых полезных ископаемых в этой стране. В отдельном пункте стоит информация об истории проникновения христианства и непосредственно миссионеров ОИМ в этот регион, более того, на общей карте ОИМ автор приводит цифры обращенных в католичество по странам и регионам, в конце суммируя эти цифры.

---

¹ Adrien Launay. Histoire de la Société des Missions-étrangères. Paris, 1894; Les bienheureux martyrs des missions-étrangeres. Paris, 1929, Histoire ancienne et moderne de l'Annam (Tong-King et Cochinchine), Paris, 1932.

На каждой из карт очень подробно нанесено: резиденции епископов, местонахождение миссионеров в стране, месторасположение католиков, где находится глава колонии, а также, как было сказано выше, нанесен четкий план больших и малых дорог страны.

Из этих детально составленных карт мы можем видеть, насколько досконально миссионеры изучали страны, в которых они находились. Данные карты из стран, где они составлялись, передавались в Центр ОИМ в Париже, где в последующее время и хранились. Они имели не только ознакомительный характер, как об этом пишет во введении к Атласу сам автор, но, на наш взгляд, и военный характер. Зная, в каких городах можно было ожидать поддержки со стороны подготовленных миссионерами «кротких католиков», армия, рассчитывая на дополнительную помощь, могла вторгнуться в такую страну.

В.М.Мазырин
(ИСАА МГУ, Москва)

Мировая историография рыночных реформ и политики обновления во Вьетнаме

Политика обновления и процесс рыночных реформ в СРВ на протяжении двух последних десятилетий вызывают большой интерес в мировом сообществе и оцениваются положительно с точки зрения преодоления социально-экономической отсталости.

Изучение этого процесса помимо Вьетнама активно ведется в России, США, Англии, Австралии, Японии, Сингапуре, Китае и Таиланде. Ведущие позиции занимают ученые развитых стран: они опираются на признанные теоретические концепции, широко популяризируют свои труды, имеют нужное финансирование. Под влиянием западных школ заметно поднялось качество отдельных вьетнамских работ, которые еще недавно не содержали обобщений и анализа, не использовали современные методологии, были сильно индоктринированы.

В РФ изучение проблем развития СРВ после длительного спада оживилось в начале текущего столетия и вышло на более высокий уровень.

Если классифицировать подходы к анализу указанной темы по существу, то можно назвать 3 основные из них.

Представители *первого* считают политику обновления в целом успешной благодаря сохранению ведущей роли КПВ и государства в управлении и производстве. Они уверены в возможности укрепления социалистического строя за счет рыночных механизмов. Эта группа объединяет большинство исследователей СРВ, КНР и РФ. Но и здесь

появились работы, в которых более объективно анализируются проблемы устойчивого развития, критикуются ошибки в макроэкономическом управлении.

Второй подход типичен для специалистов из капиталистических стран, признающих рыночные реформы в СРВ недостаточно радикальными и последовательными. Они указывают на отставание политической демократизации от либерализации экономики, считают причиной монополию КПВ на власть и влияние коммунистической идеологии. Исходя из этого, они по-прежнему относят Вьетнам к разряду социалистических стран и рекомендуют ему рецепты «цветных революций» по образцу стран Европы и б. СССР.

Для *третьего подхода* характерно признание глубоких и необратимых изменений в СРВ под влиянием рыночных преобразований. Его сторонники считают, что здесь, как и в Китае, началась системная трансформация, ведущая к восстановлению капитализма и смене политического строя. Часть аналитиков констатирует возникновение во Вьетнаме смешанной системы, своего рода конвергенцию между социализмом советского образца и современным капитализмом восточноазиатского типа. Одни ученые заявляют, что КПВ нашла таким образом «третий путь» развития, другие же приходят к выводу, что практика опровергает подобные надежды и подтверждает классическую теорию эволюции.

Б.Н.Мельниченко
(ВФ СПбГУ)

Новая тайландская публикация о российско-тайландских отношениях за последние 110 лет

В 2008 г. Посольство Королевства Таиланд в Российской Федерации опубликовало книгу «От друга», посвященную 110-летию установления российско-тайландских отношений. В книге 10 статей, из них 8 принадлежат тайландским авторам (бывшему Послу в Москве; бывшему советнику Посольства, ныне Послу Таиланда в Казахстане; председателю Учредительного собрания; тайному советнику, принцу Теп Тевакуну и другим видным государственным и дипломатическим деятелям Таиланда).

В книге 110 фотографий и зарисовок по периоду 1897 – 2007 годов, а также 120 фотографий визита королевы Таиланда Сирикит в Россию 2–11 июля 2007 г.

Тайландские авторы дают весьма позитивную оценку отношениям Россия – Таиланд; эта оценка опирается на документы. Отмечается

помощь и поддержка России в конце XIX – начале XX вв. независимости Таиланда; отмечаются весьма интенсивные, дружеские отношения между нашими странами на рубеже XX и XXI веков.

«И хотя к концу 1897 г. король Чулалонгкорн покинул Европу, за ним уже закрепилась слава друга и союзника российского царя Николая Второго, и это резюме явилось одним из факторов, которые помогли Сиаму не попасть в зубы хищников колониализма в критические моменты своей судьбы», – отмечает в своей статье председатель Учредительного собрания, доктор Тонгтонг Чантарнгсу. «Король Чулалонгкорн мудро выбрал российскую карту. И, несомненно, что Таиланду больше всего подходит сохранять ее, как это делал его великий король», – утверждает в конце повествования.

*У.У.Мухибова
(ТашГИБ, Ташкент)*

«Варта» как жанр индийской агиографической литературы

Агиографическая литература занимает особое место в процессе эволюционного развития художественной словесности, как определенный этап становления этого процесса, а также как его самостоятельная структурно-художественная единица. Статья посвящена средневековой агиографической литературе Индии, в частности ее жанру «варта» как относительно новому понятию не только в отечественной индологии, но и во всей системе мировой агиографической литературы. С этой точки зрения ее изучение приобретает особую актуальность и является одной из важных и первоочередных задач индологии.

Для определения места жанра «варты» в системе мировой агиографической литературы этот вопрос рассматривается, опираясь на исследования агиографической литературы различных стран, условно подразделяя ее на «христианскую» и «мусульманскую».

По «христианским житиям» привлечены исследования русских (О.В. Ключевского, А. Кадлубовского, Г.П. Федотова, Т.Е. Атанасовой, Н.Ф. Локтева), армянских (К.С. Тер-Давтян-Аревшатяна) и грузинских (В.И. Имнашвили, Х.Н. Заридзе, Д.М. Майсурадзе) житий. Для анализа «мусульманских житий» привлечены исследования узбекских ученых (Б. Назарова, Л. Сагдиева) об арабских, афганских и узбекских житиях.

Далее рассматриваются мнения отечественных ученых (Б.Л. Рифтина, Н.М. Сазановой, данные энциклопедических словарей и др.), а также индийских ученых о существовании житийного жанра в

Индии в целом и в средние века в частности (Х. Тандана, Д. Парикха и др.).

Существование индийской агиографической литературы и ее жанра «варта» доказывается на основе первого памятника этого жанра «Чаураси вэйшнаван ки варта» («Житие 84-х вишнуитов») и других произведений в этом жанре, относящихся к XVII веку и созданных на средневековом литературном языке брадж. Также в докладе рассматривается типология христианских, мусульманских и индийских житий.

А.К.Оглоблин
(ВФ СПбГУ)

О периодизации яванской литературы

Периодизация литературы яванского народа обусловлена рядом факторов его истории – языковых, религиозных, культурных, социальных и политических. Большинство ученых время с IX по XIX в. разделяется на периоды: древнеяванский (в контексте инду-буддистской культуры) IX–XV вв. (выделяется подпериод среднеяванского языка начиная с XIV в.), мусульманский XVI–XVII вв. и период «яванского возрождения», то есть вторичной обработки древнеяванских сюжетов, XVIII–XIX вв. Если для первых двух периодов главным является восприятие иноязычной религии и культуры, то третий отчасти объясняется, вероятно, социальной психологией в условиях стабилизации колониальной власти. При этом литературные нововведения не вытесняли полностью наследие предыдущих периодов, а синтезировались с ним; литературная деятельность сосредотачивалась в разное время в разных районах яванской этнической территории.

Современное состояние науки позволяет предложить следующую, более подробную периодизацию:

1. IX в. – первые известные *какавины* – эпические поэмы по правилам санскритской метрики и поэтики, среди них *махакавья* «Рамаяна», послужившая образцом жанра на многие столетия. Какавины остаются главной литературной формой до XV в. включительно, а на Бали культивируются до середины XX в. Санскрит в эпиграфике сменяется древнеяванским языком уже в начале IX в. Основной очаг литературной деятельности – центральная Ява.

2. Около 1000 г. – первый опыт художественной прозы в виде сокращенных переложений «Махабхараты» на «простом» (*пракръта*) древнеяванском языке. Вероятно, эти тексты были главным источником сюжетов для фольклорного теневого театра кожаных кукол (*ваянг*).

Основной очаг литературной деятельности – восточная Ява.

3. XIV в. – усиление влияния народного творчества (сказительство, ваянг) и введение в рукописную поэзию исконной системы стихосложения (*мачапат*) в поэмах-«песнях» (*кидунг*) на местные сюжеты. Эта система применяется в поэзии и поныне. Древнеяванский язык (в узком смысле термина) в кидунгах, прозе, отчасти в эпиграфике сменяется среднеяванским. Основной очаг литературной деятельности – восточная Ява.

4. XVI в. – распространяется исламская литература (доктринальная, мистическая, агиографическая и пр.). Появляется историко-мифологическая проза. Эти жанры продолжают развиваться до XIX в. включительно. Вводится письмо на основе арабицы (*пегон*) в религиозных текстах. Прекращаются жанр какавина на Яве и эпиграфика инду-буддистского периода. Основной район литературной деятельности – исламизированные торговые города северного побережья (*Пасисир*) Явы.

5. Конец XVII в. – начало «яванского возрождения». В новых эпических поэмах на древнеиндийские темы квантитативная метрика адаптирована (не различаются долгие и краткие слоги). Формирование новояванского языка с развитыми этикетными регистрами и «украшенным стилем», включающим много древне- и среднеяванских заимствований (лексика *кави*). Основной очаг литературной деятельности – центральная Ява.

6. Середина XIX в. – книгопечатание, появление периодических изданий, жанра путевых записок и других видов литературы просветительской направленности. Активны центральная часть Явы и торгово-промышленные центры северного побережья.

7. Первая половина XX в. – развиваются жанры романа, рассказа, лирической поэзии (сонет 1940). Активны центральная часть и города северного побережья Явы.

8. Вторая половина XX в. – начало XXI в. Возрастающее влияние литературы современных жанров на индонезийском (государственном) языке. Постепенное угасание прежней стилистики (этикетность и пр.). Активны разные культурные центры (в особенности Джокьякарта на центральной Яве).

Е.С.Соболева

(МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб)

Гоанский калейдоскоп (первый этнографический атлас Гоа)

Исследовательско-образовательный Фонд Васантрао Демпо выступил спонсором проекта создания и публикации первого атласа

современной гоанской культуры. В конце XX в. под руководством д-ра Пандурана Фалдесаи, секретаря Академии Кала в Панаджи (Гоа), группа исследователей постаралась зафиксировать и картографировать все значимые стороны современной культуры жителей штата Гоа. Цветной атлас «Гоанский калейдоскоп» вышел в свет на английском языке в 2004 г. в г. Панаджи¹ и был высоко оценен как самими гоанцами, так и специалистами.

Книга богато иллюстрирована, фотографии и рисунки сопровождаются развернутыми комментариями. Развитие отдельных явлений культуры во времени и пространстве Гоа показано на 18 картах, еще 8 таблиц аккумулируют большой объем дополнительной информации, во многом объясняющей политические, экономические, демографические, социальные, этнические, культурные, экологические особенности региона. Атлас сопровождается списком основных источников на языках конкани, маратхи и английском, а также португальском.

Каждая из двенадцати глав книги посвящена теме, актуальной для самоидентификации гоанцев. Экологическая составляющая считается основой их самобытности, и каждая этнокультурная группа коренного населения (всего их более 40) глубоко связана с местной экологической системой, выработала принципы общинного землепользования и взаимопомощи. Гоанцы говорят на нескольких языках, пользуются несколькими системами письменности, имеют давнюю традицию народного образования и просвещения.

В Атласе подробно освещены особенности местных анимистических культов, индуизма и христианства; уделено внимание джайнизму, буддизму, исламу, сикхизму. К середине 1990-х гг. 65% населения Гоа составляли индуисты, 29% – христиане (католики), 5% – мусульмане². Одна из самых информативных глав посвящена ремеслам и промыслам, вобравшим в себя как португальские, так и местные традиции. Особое значение придается гоанской кухне (приведены рецепты самых популярных блюд) и типичным явлениям современной гоанской культуры (храмовые комплексы, крепостные сооружения, парады, марширующие оркестры, музыкальные инструменты, праздники, представления «театр» и др.).

Топонимы даны в варианте, опубликованном в этнографических трудах Survey of India.

---

¹ Kaleidoscopic Goa: A Cultural Atlas. Panaji, Goa, 2004. 223 p.

² Henn A. Incorporando o divino: iconografia religiosa, espaço sociológico e história política em Goa // Oriente. Abril 2003. N 5. P.26–32.

А.А.Соколов
(ИВ РАН, Москва)

О деятельности «Союза русских людей государевых» в Индокитае в 1925–1926 годах (по архивным материалам)

В 1920 г. в Болгарии группой монархически настроенных офицеров Сергиевского артиллерийского училища был создан «Союз русских людей государевых имени ее Императорского высочества Великой княжны Киры Кирилловны». Он был задуман как полуконспиративная организация, имел развитую сеть своих местных органов (подотделов, отделов, колоний) во многих странах Европы, Азии, Африки, Америки. Во главе Союза стояло правление, бессменным председателем которого являлся полковник Генерального штаба Г.И. Дементьев.

В основные задачи Союза входило объединение русских эмигрантов, признававших претендентом на российский трон великого князя Кирилла Владимировича, пропаганда идей монархизма, подготовка выступлений против Советской власти, оказание помощи своим членам.

Самая большая его колония (53 человека) находилась в Индокитае – в его северной части, Тонкине. Все эти русские люди служили во Французском Иностранном легионе, по декрету Французской Республики от 18 октября 1920 года они как «офицеры союзных армий могли приниматься во французские войска чином sous-lieutenant».

В Государственном архиве РФ хранятся документы, рассказывающие о деятельности индокитайского подразделения Союза. В основном – это написанные от руки письма и донесения, которые направлял председателю Союза «вр.и.о. заместитель представителя в Тонкинском районе Индокитая» прапорщик М.П. Корякин. Как правило, его письма включали краткое описание обстановки в Индокитае, сообщения о вступлении новых членов в Союз (который он называет орденом подотделом) и их характеристики (с точки зрения преданности идеям монархизма).

В документах содержатся подробные описания условия службы русских людей в конкретных подразделениях Легиона (1-er Etranger 13 Compagnie, 4 Batallion formant Corp. du 1-er Etranger 15 Compagnie) в 1925–1926 годах.

Ю.А.Тришина
(ВФ СПбГУ)

Результаты миссионерской деятельности «Общества Иисуса» в Восточной и Юго-Восточной Азии на примере Александра де Рода

во Вьетнаме и Маттео Риччи в Китае

В данном докладе будет рассмотрена история создания крупного религиозного ордена – Общества Иисуса. Речь пойдет о целях и возможностях Общества, о его миссионерской деятельности.

В связи с тем, что членами Общества Иисуса были священники-миссионеры Александр де Род и Маттео Риччи, будут рассмотрены наиболее важные периоды их биографии, а также их деятельность непосредственно во Вьетнаме и в Китае.

Действия западных миссионеров в Восточной и Юго-Восточной Азии включали обращение местного населения в католичество посредством «культурной адаптации», смысл которой раскрывается в данном докладе.

Для наиболее эффективного влияния проповедей, миссионерами были предприняты попытки транскрипции местной письменности с использованием букв латинского алфавита. О различных аспектах этого вопроса также пойдет речь в данном докладе.

Таким образом, в докладе анализируются основные исторические этапы развития миссионерской деятельности «Общества Иисуса» во Вьетнаме и в Китае в контексте религиозной политики и латинизации письменности, опираясь на материалы французских, американских и вьетнамских исследователей.

И. Усов

(ИДВ РАН, Москва)

Срыв движения за созыв Индокитайского Конгресса: рождение мифа

В 1936 г. в южной части Вьетнама, Кохинхине, представители наиболее активных политических течений французской колонии попытались созвать «народную ассамблею», получившую название Индокитайский конгресс (ИК). Он должен был стать органом, который помог бы пришедшему к власти во Франции левому правительству скоординировать реформы с чаяниями народа зависимых территорий. В движении участвовали Коммунистическая партия Индокитая (КПИК), троцкисты, а также национальная буржуазия, представленная национал-реформистской Конституционной партией.

Однако ИК не был никогда созван, виной чему стала раскольническая роль конституционалистов, а также действия французского правительства и колониальной администрации.

В советской историографии утвердился миф о том, что одной из основных причин срыва движения стали троцкисты, которые отпугнули

национальную буржуазию своей чрезмерной критикой. Этот тезис повторялся без критического осмысления из публикации в публикацию. Например, он утверждался в работах И.А. Огнетова, С.А. и Т.Т. Мхитарянов и в ряде других работ, посвященных истории КПИК в 1930-е гг. Это положение было воспринято даже современными протроцкистски настроенными отечественными авторами – не специалистами по Вьетнаму, такими как В.З. Роговин. Сегодня предпринимаются попытки преодолеть этот взгляд, однако, троцкисты без должной проверки просто заменяются «слишком левыми требованиями» КПИК. Примером этому служит глава Г.М. Маслова, посвященная истории Вьетнама в 1914 – 1945 гг., опубликованная в V томе «Истории Востока» (2006 г.), издающейся Институтом востоковедения РАН.

История этого заблуждения идет от попыток объяснить неудачи в создании единого антиимпериалистического фронта Индокитая, предпринятые КПИК после срыва движения за созыв ИК. В докладе Заграничного бюро КПИК в Коминтерн ответственность за срыв движения за созыв ИК перекладывалась на троцкистов и газету «Ля Лютт», совместно издававшуюся троцкистами и коммунистами. Впоследствии обвинения компартии сторонников Л.Д. Троцкого в «левом уклоне» во время движения за созыв ИК, приведшим к отходу от него национальной буржуазии, были подхвачены антитроцкистскими агитационными брошюрами КПИК. Оттуда они перекочевали в некоторые публикации в ДРВ и СРВ. Этот миф и был подхвачен советскими историками-вьетнамистами.

В.С. Фирсова
(МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб)
Миграция из Южной Азии в Японию

На сегодняшний день в Японии проживает около двух миллионов иммигрантов. Это число иммигрантов значительно ниже, чем в других развитых странах, таких как США, Канада, Австралия и различных европейских странах. Тем не менее, число иностранных жителей увеличилось вдвое за последние десять лет, делая присутствие иностранцев в Японии довольно заметным.

Индийская эмиграция представляет собой важное и во многих аспектах уникальное движение в мировой культуре. Сейчас за рубежом проживает порядка 16 млн. выходцев из Южной Азии. Однако на долю Японии на 2006 год приходится лишь 54189 выходцев из Южной Азии, это составляет чуть больше 2 % от общего числа иммигрантов в Японии.

Первые достоверные данные об индийцах в Японии относятся к 7 в. нашей эры. Первые сведения о массовой миграции индийцев в Японию относятся к 1872–1873 гг. Но в 1930-х гг. 60% осевших индийцев покинули Японию.

Южная Азия является в основном источником следующих видов эмиграции в Японию:

1. Эмиграция квалифицированной рабочей силы (программисты, IT-инженеры).
2. Эмиграция неквалифицированной рабочей силы (рабочие на заводах, фабриках, сельскохозяйственные работники).
3. Иностранные браки (японцев с индианками, пакистанцев с японками).
4. Бизнес-эмиграция (ведение этнического бизнеса в Японии).

В настоящее время Япония проводит ряд мер для облегчения въезда в страну квалифицированных специалистов, в частности программистов из Индии, так как, согласно последним опросам японских работодателей, уже сейчас в Японии наблюдается нехватка инженеров в сфере информационных технологий. Несмотря на строгость въезда в страну для неквалифицированных рабочих, рабочие из Непала, Индии и Пакистана находят пути попадания в Японию и очень часто нелегально там остаются.

Целый ряд экономико-политических факторов указывает на то, что иммиграция в Японию будет увеличиваться, в том числе и из южно-азиатского региона.

О.С.Хижняк

(Государственный музей истории религии, СПб)

Место и роль ступы в формировании буддизма как религии

Доклад посвящен выходу в свет монографии¹. Главный вывод проведенного исследования состоит в том, что строительство и почитание ступ стало исторически первой формой перехода от философско-психологического учения и йогической практики ограниченного круга последователей Будды к религии народных масс. Основная направленность первоначального буддизма (как и других последующих мировых религий) состоит в преобразовании личности: ее мировоззренческих основ, ценностных ориентаций, понимании смысла и цели своего бытия, изменения моделей поведения и взаимоотношений с другими личностями. Этот процесс духовной трансформации

---

¹ Хижняк О.С. Ступа: начало формирования буддийского культа. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

(«преображения») приводил последователей Будды к отвержению мира и полному посвящению себя духовному пути (в дальнейшем – это путь монашеской жизни). При этом историческая реальность требовала установления союза с мирянами в форме проповеди со стороны монахов и в виде материальной поддержки нищенствующих мирянами. Философские концепции и сложные психотехнические практики не могли стать основой духовного пути для мирян. Буддизм был вынужден вернуться к проверенной веками культовой практике и постепенно выработать свою систему ритуалов, понятную народным массам.

Первым шагом на этом пути стало построение Восьми великих ступ, совершенное согласно духовному завещанию Будды. Существенным в понимании этого исторического шага является то, что Будда объяснил духовную основу ритуала, сказав, что когда люди придут поклониться ступе, сердца их утихнут, в них воцарится мир и радость и после смерти они возродятся на небесах. Строительство и поклонение ступам Будда завещал только мирянам, рассматривая эту практику как доступную для них форму духовного совершенствования. Монахам же он предписал стремиться к главной цели – просветлению и паринирване.

*Л.А. Черешнева
(Липецкий ГПУ)*

***Проблема независимости и раздела Индии
в индийской историографии***

15 августа 1947 г. Британская Индия была разделена по религиозному принципу на Индийский Союз и Пакистан. Задача статьи – охарактеризовать индийскую историографию раздела Индии, которую можно разделить на 3 направления:

1) прокоммунистическое; 2) националистическое; 3) объективистско-критическое.

Первое направление представлено Е. Намбудирипадом¹, который находит раздел барьером социалистической революции, возведенным британскими властями и политической элитой Индии.

Националистическое направление представляют К. Датта, С. Малхотра, Р. Маджумдар, В. Махаджан, В.П. Менон, П. Ситарамая, Г. Тендулкар², в чьих трудах видна антибританская направленность,

---

¹ Namboodiripad E.M. A History of Indian Freedom Struggle. Trivandrum, 1986.

² Datta K.K. History of the Freedom Movement in Bihar. In 3 vols. Vol. 3. Patna, 1958; Mahajan V.D. Fifty-five Years of Modern India (1919–1974). New Delhi, 1975; Majumdar R.C. History of the Freedom Movement in India. In 3

приверженность идее независимости; негативные оценки мусульманского национализма.

Историки объективистско-критического направления Ч. Бхатт, П.В. Гхай, Б.Б. Мисра, Сатья М. Рай, С. Чаудхри¹ считают, что раздел был обусловлен объективными причинами экономического и этноконфессионального характера. Раздел содействовал складыванию и самоидентификации наций, но стал одной из трагедий XX века, унесшей около миллиона человеческих жизней.

Methanont Ananthana
(Ubon Ratchathani University, Thailand)
«Shattering World», *Ayutthaya Kingdom in Decline:*
New Look from the «Old Royal Decrees» («Phra Ratchakamnot Kao»)

For historians of Thai history, the study of Ayutthaya history has been static for more than a decade. The Ayutthaya Period, as taught in schools and colleges in Thailand, has been considered one of the most important periods in Thai history. Ayutthaya's past has always stirred Thai nationalist emotion. However, the study of Ayutthaya history has yet been stagnant.

This article examines the last decades of the Ayutthaya Kingdom, using the 'Old Royal Decrees' or *Phra Ratchakamnot Kao*, assembled in the 'Three-Seals Laws', or *Kotmai Tra Saam Duang*, as the main source. The *Phra Ratchakamnot Kao*, are decrees issued occasionally by the king. They portray the situations which lead to the issue of specific act to solve the problems at that time. Traditionally, these Royal Decrees were issued in response to the report of officials who came to consult with the king. The details in these decrees thus covered nearly all aspects of state affairs; administrative, economic and, interestingly the financial situation of the outlying provinces.

---

vol. Vol. 3. Calcutta, 1963; Malhotra S.L. Gandhi and the Indian National Congress (Studies in Gandhi's Contribution to the Indian National Congress). Chandigarh, 1988; Sitaramayya P. The History of the Indian National Congress. In 2 vols. Vol. 2. Bombay, 1947; Tendulkar G.D. Mahatma. The Life of Mohandas Karamchand Gandhi. In 8 vols. Vol. 6. Bombay, 1953.

¹ Bhatt C. Hindu Nationalism: Origins, Ideologies and Modern Myths. London: 2001; Butalia U. The Other Side of Silence. Voices from the Partition of India. Delhi, 1998; Chaudhri S. Gandhi and the Partition of India. New Delhi, 1986; Ghai P.V. The Partition of the Punjab (1849–1947). New Delhi, 1986; Misra B.B. The Unification and Division of India. Delhi, 1990; Rai S. Partition of the Punjab. A Study of Its Effects on the Politics and Administration of the Punjab 1947–56. New York, 1965.

The details in the decrees reveal the crisis in the kingdom's rule of the peripheral zones. The study shows that the central court in Ayutthaya was losing control over its satellites. Meanwhile, the outlying towns were in serious trouble, politically and financially. The result was evasion of court commands, continuing corruption among officials and the consequent breakdown of the whole financial situation in provincial towns. These were unavoidably the causes of the kingdom's downfall. The 'Old Royal Decrees', Phra Ratchakamnot Kao, are valuable in the study of the final decades of the Ayutthaya Kingdom.

Naira Mkrtyan
(*ARMEDIA Information-Analytical Agency, Armenia*)
India and Armenia: Relations through Centuries

The traditionally friendly relations between Armenia and India are of long standing. Even before the Moghul invasion of India, Armenians were found in all the principal commercial centres and state capitals of India engaged in the peaceful pursuit of commerce. The chief items of Indian export to Armenia were muslins, precious stones, numerous kinds of spices, medicinal herbs and substances. The Armenians exported mainly coloured leather and various dyes to India.

The first written reference on Indo-Armenian relationship is found in the ancient Greek writer Xenophon's (430–355 BC) *Kyropaedia (Persian Expedition)*.

It is not a well-known historical fact that there was a sizeable Indian community in Armenia for over 5 centuries – from 149 BC to 4th century which was founded by two Hindu princes.

In the beginning of the 16th century, in various places of India, especially in coastal towns, Armenian permanent settlements began to emerge. It was Emperor Akbar (1556–1605) who induced Armenians to come and settle in his dominions, giving them land and allowing to conduct their own religion – Christianity. He was well aware of their intelligence and their integrity in commercial affairs, and desired to improve the trade of his country through their agency. In his court there were many Armenians: Chief Justice, Akbar's Christian wife, the lady doctor of the royal harem, the Portuguese interpreter of the court etc.

The Armenians who found their second homeland in India and were enjoying affection and sympathy of the Indian people, could not be indifferent to India's freedom struggle against the British colonizers. Each sector of the Armenian colony participated in the freedom movement in their own way. Armenian merchants were helping financially; Armenian armourers were helping in casting guns and artillery and Armenian warriors joined the Indian

army, fought against the Britishers and shed their blood for the freedom of India.

The role of Armenian armymen has been highly estimated by the Indian patriots and it is interesting to know that after each victory over the British, besides the Indian flag, Armenian flag was also hoisted in honour of their devoted ally. In this period there were many famous Armenian army commanders as well as armymen and armourers.

Many historical facts, historical monuments show that Armenian creative mind implanted such cultural values on the Indian soil that some of them came out of the limits of national culture and found their place in the Indian culture. The Armenians in India can justly be proud of a glorious past but their present and future are not at all bright. They have greatly decreased in number. Now there are hardly 200 Armenians in India, mostly in Calcutta.

Ginu Zacharia Oommen
(Indian Council of World Affairs, New Delhi, India)
The Cultural Convergence of Semitic Religions in Kerala:
An Historical Perspective

The India –Middle East relations dates back to antiquity and there had been close political, economic and cultural ties between the two regions throughout history. Both the regions had strong civilizational bondages and many historians share the possibility of close contacts between Indus Valley and Nile civilizations. Kerala, the southern state of India was the main source for spices, sandalwood, silk and incense and the Persian Gulf route from the Indus to the Euphrates considered the oldest trade route India and West Asia. The Kerala coastal cities like Kollam, Calicut and Cochin have hosted Semitic trading communities (Jews, Arab Christians and Arab Muslims) since 6th century AD .The Calicut port of Malabar Coast known to be the *Oriental Emporia of Spice trade* and an enterprising Arab colony had been functioning from there until arrival of Portuguese in 1498 under the protection of the local rulers. The scholastic interactions and the religious interface have played a major role in consolidating and shaping the Indo-Middle East well before the modern times.

It is interesting to note that the three main Semitic religions of Kerala – Cochin Jews, Syrian Orthodox Christians and Mappila Muslims played a historical role in the trade and commercial activities of the Kerala since 9th Century. The 9th century copper plates suggest that the Syrian Christian trade guild (Manigramam) and Jewish trade guild (Anjuvanam) were jointly entrusted with affairs of the Kollam Trade Centre and the Tarasapalli Syrian Church. Moreover the signature of the Arab Muslim traders reinforces the involvement of all the three communities in the socio-economic affairs of the

city. In 16th century the Jacobite Bishop from Basra was brought to the Cochin Port in a Jewish trading ship as the Portuguese imposed a ban on the entry of the Bishops from eastern churches in Kerala. This proves the unique socio-cultural interaction between the Semitic communities. In all the port cities of Kerala the since 12th century the migrant Semitic communities were granted special rights and the close interaction of these groups had consolidated their influence strongly in the host country. In addition the Jews of Cochin and the Muslim Traders resided in the two sides of the Mattanchery(Cochin Port Street) Street for years without any bloodshed.

This paper tries to explore the historical origins and distinctive cultural interactions between Semitic religions in Kerala. The author examines cultural interplay of the Semitic communities in the region in the context of the varied socio-economic dynamics of the world.

D.S.Rajan

(Chennai Centre for China Studies, Chennai (Madras), India)
India-China Civilization Contacts and their Relevance to Contemporary Bilateral Relations

Historians generally accept that civilisational contacts between India and China began as early as 400 B.C. Exchanges among the two in the fields of commerce, trade and culture prospered through the Silk Road for centuries. Entry of Buddhism into China from India had been the most significant historical event; Buddhism came to be firmly established in China with the help of several visiting Indian Buddhist monks and scholars.

In the modern era, India and China could achieve a parallel ascendancy before the advent of colonialism and imperialism; this contributed to a sense of self-confidence among them in the matter of regaining their historical space in the Asian and global order. The two sides founded the concept of Five Principles of Peaceful Coexistence. Currently, both nations have adopted domestic development their common goal and to achieve the same, they have evolved a mutually friendly foreign policies. A long-term 'strategic partnership for peace and prosperity' has been established among them.

Undeniably, the 1962 border war cast a shadow on the Sino-Indian relationship. Geo-politics and the modern sense of national boundaries contributed to the conflict. India and China are addressing the issues through setting up suitable negotiation mechanisms.

Indian and Chinese civilizations coexisted for a very long time in history. There was no conflict of interests then between the two nations. Coming to the contemporary scenario, the two countries are simultaneously rising, but mutual suspicions still persist. Certain key questions arise – whether a clash of interests between India and China could become inevitable as they rise?

How far the respective civilisational strengths of the two can contribute to resolution of potential conflicts? The Paper would try to address these questions.

P.V.Rao

(Osmania University, Hyderabad, India)
India's Historical Links with Southeast Asia:
Connecting Past with the Present

India had eminently influenced Southeast Asia's emergence and evolution. Southeast Asia's political, religious, cultural and commercial evolution bear heavily the impact of Indian influence. Trade and religious links were the preeminent factors which shaped the origin and organization of the socio-political fabric of the peninsular Malaka and archipelagic Indonesia. While Hinduism and Buddhism laid the socio-cultural foundations of the Southeast Asian societies, trading communities across the Malacca Straits built close synergies between the coastal communities of India's Malabar and Bay of Bengal and those of peninsular Malaya and island people of Indonesia.

India was not only the source of Southeast Asian socio-cultural life, but it also served as the transit for the Arab trading communities sailing between the Persian Gulf and the region to the east of Malacca Straits. Arab merchants began commercial intercourse with Southeast Asia and beyond upto China from the eighth century A.D. Guided by the monsoon winds, these muslim traders sojourned at the Indian western (Malabar) and eastern (Coramandal) ports before advancing toward the eastern Indian Ocean. Such commercial voyages also bore the impact of Islamic religion on the lands of their passage and destination. Thus Islamic religion was planted in Southeast Asia by the Arab traders who navigated through the Indian peninsula. Subsequently, the Arabs succeeded in breaking the monopoly of eastern Indian Ocean waters held by the South Indian Chola empire. By eighteenth century the 'distinctive' traditional maritime system that forged the Indian and Southeast Asian communities into a close socio-commercial bloc broke with the advent of the Europeans. Colonial domination of the Bay of Bengal and Malacca regions – political, economic and navigational – broke the centuries old Indian links with the Southeast Asian societies. Both sides have initiated serious measures to restore such broken historical connectivities since the last decade of the twentieth century.

How India is rebuilding her historical links with today's Southeast Asia will be the focus of my presentation.